

Материально-бытовые условия жизни рабочих в 1930-е гг. (по материалам газеты Красноярского машиностроительного завода «Сталинец»)

М.В. Верхутова^а, Н.В. Пахомова^б

Сибирский Федеральный университет, Свободный проспект, 79, Красноярск, Россия

^а verhutovamar@mail.ru, ^б pahomise@mail.ru

^а <https://orcid.org/0009-0009-1274-0165>, ^б <https://orcid.org/0000-0002-8822-0635>

Статья поступила 07.11.25, принята 01.12.25

В настоящей статье рассмотрены особенности экономической повседневной жизни рабочих Красноярского машиностроительного завода в 1930-е гг. Выявлены ключевые проблемы жилищного обеспечения, материально-бытового уровня, условий труда, организации общественного питания и системы здравоохранения в период форсированной индустриализации. Изучено влияние социально-экономических факторов на повседневную жизнь трудящихся в условиях ограниченности ресурсов и административной неэффективности. Установлено, что официальные усилия по улучшению условий жизни нередко носили декларативный характер и не сопровождалась эффективной реализацией. Определено, что реальные условия существования рабочих характеризовались острым дефицитом жилья, низким качеством питания, антисанитарией, проблемами медицинского обслуживания и нарушениями в производственном процессе. Представлены архивные документы и материалы периодической печати, в частности газеты «Сталинец», как значимые источники изучения повседневности. Обоснована необходимость учёта мнений и оценок самих рабочих при анализе их социального положения и условий повседневной жизни. Определено, что существовавшее социальное неравенство между рабочими и инженерно-техническими сотрудниками усиливало негативное восприятие происходящего. Сформировано представление о производственной и социальной политике на уровне конкретного предприятия, показывающее общесоюзные трудности периода. Выявлены особенности взаимодействия рабочих с системой управления и практики выражения недовольства через обращения в печать. Итогом работы стало формирование целостного представления об экономической повседневности рабочих Красноярска как отражения системных проблем социалистического индустриального строительства.

Ключевые слова: Сибирь; Красноярск; Красмаш; газета «Сталинец»; экономическая повседневность; рабочий класс; жилищно-бытовые условия.

Material living conditions of workers in the 1930s (based on the materials of The Stalinets newspaper of the Krasnoyarsk Machine-Building Plant)

M.V. Verkhutova^а, N.V. Pakhomova^б

Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^а verhutovamar@mail.ru, ^б pahomise@mail.ru

^а <https://orcid.org/0009-0009-1274-0165>, ^б <https://orcid.org/0000-0002-8822-0635>

Received 07.11.25, accepted 01.12.25

This article examines the specific features of the economic everyday life of workers at the Krasnoyarsk Machine-Building Plant during the 1930s. Key problems related to housing, material and living standards, working conditions, public catering, and the healthcare system during the period of forced industrialization are identified. The study explores the impact of socio-economic factors on the daily lives of workers in the context of resource scarcity and administrative inefficiency. It is established that official efforts to improve living conditions were often declarative in nature and lacked effective implementation. The actual living conditions of workers were characterized by acute housing shortages, poor nutrition, unsanitary conditions, inadequate medical care, and disruptions in the production process. Archival documents and periodical materials – particularly The Stalinets newspaper – are presented as significant sources for the study of everyday life. The importance of considering the views and assessments of workers themselves in analyzing their social status and daily living conditions is substantiated. It is determined that the social inequality between workers and engineering-technical personnel intensified negative perceptions of the situation. The article forms a view of industrial and social policy at the enterprise level as a reflection of the broader challenges faced by the Soviet Union during this period. The study also reveals workers' modes of interaction with the management system and practices of expressing discontent through letters to the press. The study concludes that the economic everyday life of KrasMash workers in the 1930s reflects the systemic contradictions of socialist industrial development.

Keywords: Siberia; Krasnoyarsk; KrasMash; The Stalinets newspaper; economic everyday life; working class; housing and living conditions.

Актуальность. Красноярский край сегодня является одним из наиболее индустриально развитых регионов России. Его мощный промышленный потенциал, ресурсная база во многом были заложены ещё в годы форсированной индустриализации 1930-х гг. Именно в этот период Красноярск начинает трансформироваться в один из ключевых промышленных центров Восточной Сибири. Ключевую роль в этом процессе сыграли рабочие крупнейшего промышленного предприятия – Красноярского машиностроительного завода (Красмаш), строительство и работа которого сопровождалось множеством социальных и экономических трудностей.

В современной исторической науке широкое распространение получил антропологический подход, отводящий важное значение роли человека, его повседневному укладу жизни, а также жизненным проблемам в переломные моменты.

Изучение экономической повседневности рабочих Красмаша через заводскую газету «Сталинец», отражавшую насущные проблемы трудящихся, их доходов и расходов, жилищно-бытовых и санитарных условий, культуры питания и потребления – позволяет увидеть, как на практике реализовывались идеи индустриализации в 1930-е гг. и каким был реальный уровень жизни тех, кто являлся главным действующим лицом этого индустриального строительства. Это важно не только для истории отдельного завода, но и для понимания механизмов функционирования советского общества в целом.

Степень изученности. Экономическая повседневность рабочих Красноярска в 1930-е гг. в исторической науке является малоизученной темой. Специальных монографических исследований, посвящённых данной теме, практически не существует.

В отечественной историографии основные научные работы касаются быта рабочих Сибири в целом, не давая детальной картины по конкретным регионам и предприятиям. Ввиду этого отсутствие комплексных исследований обуславливает актуальность изучения экономической повседневной жизни рабочих города Красноярска в 1930-е гг.

В советской историографии одной из основополагающих работ, посвящённых истории рабочего класса в Сибири, стала коллективная монография под редакцией профессора А.М. Московского «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937)» [1]. Работа представляет собой впервые выполненное обобщающее исследование по истории сибирского отряда рабочего класса со времени Февральской буржуазно-демократической революции до построения социализма. Научная школа Алексея Михайловича Московского заложила основы для последующего изучения формирования городского населения, быта и образа жизни рабочих. В самой монографии освещаются аспекты о численности, составе, производственной и культурной активности рабочих, изменения в их материально-бытовом положении. Однако основное внимание уделено Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям, а по Красноярскому краю материалы ограничены и представлены преимущественно в виде статистики [1, с. 8].

Первой значимой работой научного анализа бытовой сферы в региональном сибирском контексте стала монография профессора Виктора Ивановича Исаева «Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг.», написанная в 1988 г. [2]. В данной работе рассмотрен процесс социалистического переустройства быта, освещены принципы его организации и трансформации жизнедеятельности рабочих в условиях индустриализации. Историк уделяет внимание вопросам материального благосостояния: росту заработной платы, структуре бюджета семьи, обеспеченности жильём, доступу к товарам первой необходимости. Автор отмечает усиление общественного контроля над бытовой сферой, изменения в семейной жизни, борьбу с «пережитками прошлого» [2, с. 7]. Эта монография значима в рамках исследования, поскольку в ней представлены обобщённые данные по некоторым регионам Сибири, в том числе частично затрагиваются условия жизни и труда рабочих Красноярского края.

В постсоветский период профессор Виктор Иванович Исаев в следующем своем труде «Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации», написанном в 1996 г., значительно расширяет и дополняет материалы предыдущей своей монографии 1988 г. [3]. Конечно, в связи с общественно-политическими переменами автором корректируются оценки и выводы. Освещаются социально-политические аспекты развития быта, материальное положение рабочих, формы домашнего труда и проведения досуга.

В более поздней статье «Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.)», написанной в 2020 г., В.И. Исаев рассматривает причины и особенности модернизации быта в условиях форсированной индустриализации [4]. Он показывает, как идеологическая установка на создание «социалистических городов» сталкивалась с жилищным кризисом, нехваткой ресурсов и низким уровнем снабжения [4, с. 4].

Однако, несмотря на определенные успехи в изучении быта рабочих Сибири в целом, повседневная жизнь конкретных категорий рабочих Красноярска в 1930-е гг. так и остается неизученной.

Таким образом, данная статья является попыткой на восполнение этого пробела, путём изучения экономической повседневности ключевых участников индустриального развития Красноярского края – трудящихся Красноярского машиностроительного завода.

Целью данного исследования является выявление и анализ материально-бытовых условий жизни рабочих Красноярского машиностроительного завода в 1930-е гг. в контексте форсированной индустриализации на основе материалов заводской газеты «Сталинец» и архивных источников.

Объектом исследования является повседневная жизнь рабочих в условиях форсированной индустриализации в СССР.

Предметом являются особенности материально-бытовых условий жизни рабочих Красноярского машиностроительного завода в 1930-е годы, отражённые в их повседневных практиках и восприятии социальной реальности.

Методология. Данная статья написана сквозь призму истории повседневности как методологического подхода, в рамках которого обыденная жизнь рабочих рассматривается как источник исторического знания. Через анализ конкретных бытовых ситуаций, жалоб, писем и практик повседневности исследуется, как государственная политика индустриализации отражалась в реальных условиях существования трудящихся.

Принцип историзма предполагает рассмотрение материально-бытовых явлений в контексте социально-экономических и политических условий 1930-х годов, позволяя проследить их развитие во времени.

Принцип объективности обеспечивает критический подход к анализу источников.

Сравнительно-исторический метод использован для выявления отличий между заявленными целями государственной социальной политики и того, какими на практике были условия жизни рабочих.

Метод причинно-следственного анализа позволил установить связь между управленческими решениями, состоянием инфраструктуры и повседневной жизнью трудящихся.

Источниковую базу данного исследования составили опубликованные и неопубликованные документы и материалы.

Так, к числу неопубликованных материалов относятся архивные документы Государственного архива Красноярского края. В процессе исследования был использован фонд Р-2115, включающий документацию Красноярского машиностроительного завода.

Особую ценность представляет годовой отчет о хозяйственной деятельности завода за 1935 г. с приложением объяснительной записки к отчету о деятельности ГАРОЗа № 1 [5]. Этот документ содержит статистические сведения о жилищной обеспеченности работников, уровне заработной платы рабочих, ИТР, служащих, сведения о производственном браке и нарушениях в организации труда. Материалы отчета легли в основу анализа жилищного положения, условий труда и доходов на предприятии, позволив выявить масштаб социального расслоения между ИТР и рабочими, а также зафиксировать причины невыполнения планов по заработной плате.

Дополнительные сведения о развитии социальной инфраструктуры завода, а также динамике производственно-бытовых условий зафиксированы в годовом отчете за 1938 г. [6]. Документ позволил оценить финансовые издержки на содержание жилищного фонда, подтвердив системные проблемы жилищно-коммунальной сферы. Материалы о высоких убытках, в сочетании с данными заводской прессы, позволяют судить о неэффективности управления жилищным хозяйством и уровне неудовлетворенности рабочих. Эти материалы также использовались при изучении аспектов условий труда, жалоб на бытовые неудобства и общей оценки реального уровня материального благосостояния трудящихся.

Среди опубликованных источников особое место занимает периодическая печать. Именно периодика отражает реальную повседневную жизнь рабочих, она содержит многочисленные публикации писем трудя-

щихся, жалоб, представляет зарисовки быта, что необходимо для изучения их образа жизни.

Один из ключевых источников данного исследования газета «Сталинец» – заводская периодическая печать Красноярского машиностроительного завода, чей первый номер вышел в 1936 г. На её страницах регулярно публиковались материалы, отражающие повседневную жизнь рабочих: письма в редакцию, жалобы, очерки о жилищных, санитарных, трудовых и социальных проблемах.

Особое значение представляют рубрики «Письма рабочим», «Письма в редакцию», где фиксировались как индивидуальные, так и коллективные обращения трудящихся, что позволяет реконструировать представления самих рабочих о своих условиях жизни, оценить уровень бытовой и социальной неустroенности, а также эффективность взаимодействия с заводским и городским руководством. Газета выполняла функцию обратной связи, которая способствовала выявлению системных проблем как в производстве, так и в социальной инфраструктуре рабочих.

Помимо газеты «Сталинец», в исследование включён материал газеты «Красноярский рабочий», в которой освещалось строительство Красмаша и развитие городской инфраструктуры в 1930-е гг.

Красноярский машиностроительный завод (Красмаш) был одним из первых и крупнейших промышленных предприятий в Красноярске, ставший символом промышленной эпохи города. Датой основания предприятия принято считать 13 июля 1932 г., когда приказом Народного комиссариата тяжёлой промышленности был принят Устав Государственного управления по стройке и временной эксплуатации Красноярского машиностроительного завода – «Стройкрасмаш». Именно такое название изначально было присвоено заводу. Завод создавался в рамках политики форсированной индустриализации, как ответ на необходимость технической модернизации золотопромышленности объединения «Востокзолото». Несмотря на финансовые трудности и кадровые потери, строительство велось быстрыми темпами, а к середине 1930-х гг. завод стал важнейшим предприятием Красноярска.

В выпуске газеты «Красноярский рабочий» от 8 мая 1932 г. мелькнул заголовок: «В Красноярске будет построен машиностроительный завод-гигант!» [7, с. 2]. 23 февраля 1932 г. по постановлению ЦК и крайкома ВКП(б) утверждено строительство завода в Красноярске. В ноябре 1933 г. завод должен быть пущен в ход. Так, за годы второй пятилетки на пустом месте вырос завод.

С ростом завода растёт число рабочих и служащих, число инженерно-технических работников. В 1934 г. было занято на стройке – 2535 чел., в 1935 г. – 4133 чел., в 1936 г. – 4678 чел. [8, с. 2]. А с выпуском в эксплуатацию всех цехов, всего завода на полную мощность, рабочим потребуется ещё больше.

Для рассмотрения экономической повседневной жизни рабочих СССР, в том числе и Сибири, важной характеристикой уровня развития общества в целом и непосредственно сферы быта являются материальные условия жизни людей, формы, способы и уровень удовлетворения их первичных потребностей [2, с. 25].

Материально-бытовые условия жизни состоят из нескольких показателей, среди которых при рассмотрении данной темы применительно к рабочему классу можно выделить: заработную плату рабочих, условия труда на производстве, жилищное положение, коммунальное и медицинское обслуживание и т. п. Но каким же образом происходило обеспечение всех трудящихся на заводе, в каких материально-бытовых условиях они содержались?

Одним из ключевых элементов, определяющих уровень жизни рабочего, являлось его жилищное положение. В начале 1930-х гг. процесс форсированной индустриализации народного хозяйства сопровождался дальнейшим обострением жилищного кризиса в Красноярске.

Важным компонентом материально-бытовых условий жизни рабочих Красноярска являлось жилищное положение. Жильё, его тип, размеры, качественные характеристики и благоустройство во многом влияло на образ жизни рабочего.

Была развёрнута большая работа по улучшению жилищного положения рабочего класса Сибири. Происходило переселение из временных бараков, разгружались от перенаселённости рабочие бараки на новостройках Сибири. Новое жилищное строительство позволило увеличить жилищный фонд, так по городам и рабочим посёлкам Красноярского края с 1933 по 1937 гг. – в 2 раза [1, с. 303].

Несмотря на значительное увеличение жилой площади, большинство городов Сибири имело всё же сравнительно невысокую среднюю жилую площадь. Так, жилплощадь на одного жителя в среднем в 1937 г. составляла в Красноярске 2,8 м² [1, с. 303].

Основная масса рабочего класса Красноярска жила тесно, в плохих, неблагоустроенных помещениях, постоянно испытывая недостаток жилищного пространства, а также была лишена возможности обеспечения элементарными бытовыми услугами, потребностями.

По данным объяснительной записки к годовому отчёту ГАРОЗа № 1 за 1935 г., жилая площадь в домах предприятия увеличилась на 23,1 %. Однако этого прироста было недостаточно: уровень обеспеченности жилплощадью работников оставался чрезвычайно низким и составлял лишь 21,7 % от общего количества занятых. Особенно остро проблема стояла среди рабочих – их обеспеченность жильём не превышала 14,3 %, в то время как для инженерно-технических работников этот показатель достигал 43 %. Средняя обеспеченность жилплощадью на одного члена семьи ИТР составляла 6,85 м², тогда как для рабочих и служащих – всего 4,48 м² [5, л. 14].

Таким образом, помимо общего недостатка жилплощади для удовлетворения потребности завода, в домах имеет место чрезмерная скученность, противоречащая как требованиям санитарии, так и культурным запросам рабочих.

Кроме того, согласно годовому отчёту предприятия за 1938 г., одной из основных статей убытков Красмаша являлось жилищно-коммунальное хозяйство. Несмотря на усилия по улучшению эксплуатации жилого фонда, убытки сократились лишь на 63 тыс. руб. по сравнению с предыдущим годом и составили большую

сумму – 203 670 руб. [6, л. 6.]. Эти цифры свидетельствуют о неэффективности системы управления коммунальной инфраструктурой, чья работа не соответствовала масштабам жилищных нужд рабочих.

Неоднократно на страницах газеты «Сталинец» освещались проблемы жилищного характера в годы второй и начала третьей пятилеток через рубрики «Письма рабочих» и «Письма в редакцию». Так, в 1936–1939 гг. в газете «Сталинец» регулярно публиковались жалобы, отражающие тяжёлое жилищное положение рабочих Красмаша.

Проблемы начинались с элементарных условий благоустройства: в 1936 г. сообщалось, что в доме № 4 на 2 участке «четыре квартиры остаются без света», хотя штукатурные работы были закончены ещё весной [9, с. 4].

С 1937 г. уже фиксировались случаи произвола со стороны жилищно-коммунального управления (ЖКУ), когда рабочая Полякова писала, что её выселили из квартиры без объяснений, несмотря на предписание начальника производственного отдела, а попытки вернуть жильё оставались без ответа: «ЖКУ на это не обращает внимания» [10, с. 2].

Кроме того, в домах Красмаша бывали случаи, когда проживали посторонние, в то время как рабочие оставались без жилья: «в доме Красмаша проживает некто Белоногов, уволенный за пьянство и прогулы» [11, с. 4].

В 1938 г. жалобы носили массовый характер: стахановец Криволапов писал, что после трёх месяцев ожидания ремонта жить в квартире «стало невозможно» из-за мороза [12, с. 4]; в общежитии на 4 участке наблюдались антисанитария, отсутствие отопления и пьянство: «грязь, холод, нет дров» [13, с. 4].

Масштабное разгильдяйство проявлялось в отсутствии строительных материалов для ремонта «нет даже 20 % потребности в стройматериалах», [14, с. 3], а также в отказе комендантов даже осматривать аварийные здания: «я комендант, это не мое дело» [15, с. 4].

Проблемы инфраструктуры же усугубляли ситуацию: вода регулярно заливала подвалы и квартиры на втором участке, но вместо решения проблемы давались бессмысленные распоряжения осушить территорию «за один день» без подготовки [16, с. 4]. Жалобы на качество ремонта, плохие условия доходили до крайности: после ремонта крыши барака № 4 вода «льётся через крышу» повсюду [17, с. 4].

В 1939 г. проблемы достигли своего апогея: в письмах рабочих звучали призывы к дирекции завода вмешаться в квартирные дела, так как «жалобы свидетельствуют о том, что руководители отдела забыли свои обязанности» [18, с. 4].

Рабочий Чемров описывал полную безответственность ЖКУ: «Я работаю котельщиком в цехе металлических конструкций 5 лет, но до сих пор не имею хорошей квартиры. В жилищно-коммунальном отделе не обращают внимания на мои просьбы. Два заявления потеряны», также жена рабочего была «всячески обругана» начальником отдела [19, с. 4]. Условия в гостинице на 2 участке дома № 95 были тяжелы: «печи топят редко», жильцы мерзнут, а для того, чтобы узнать время, «приходится ходить в милицию», так как в гостинице отсутствуют часы [20, с. 4]. Дополняло столь

ужасную картину повсеместное нарушение правил распределения ресурсов: «спецбувь-валенки выдали тем, кому не полагается по закону» [21, с. 4].

Приведённые факты показывают, что жилищные условия рабочих Красмаш были тяжёлыми, они сопровождались отсутствием благоустройства, халатностью руководства и равнодушием жилищно-коммунального отдела завода на запросы и жалобы рабочих.

Таким образом, основными характеристиками жилищного положения рабочих Красмаша в 1930-е гг. стали: дефицит жилой площади, плохое техническое состояние зданий (сырость, обрушения, отсутствие отопления), крайне низкое качество ремонтов, острый недостаток стройматериалов, антисанитария в общежитиях, произвол и безразличие со стороны жилищно-коммунального управления, распространение коррупционных практик при распределении жилья и материальных благ. Проблемы жилищного устройства стали одним из важных социальных факторов, которые негативно влияли на здоровье рабочих, их настроение и производительность труда.

В результате жилищная проблема оставалась одной из самых сложных и неразрешённых как в Красноярске, так и по Сибири в целом.

Помимо тяжёлых жилищных условий, важной составляющей экономической повседневной жизни рабочих Красноярска в 1930-е гг. стали проблемы, связанные с организацией труда на предприятиях, обеспечением материалами и их качеством, а также уровень производственного обслуживания.

Недостатки в организации производственного процесса проявлялись в широкой совокупности проблем: от отсутствия необходимых инструментов в производстве и материалов до уже сложившейся и систематической порчи дорогостоящего оборудования и халатного отношения к государственному имуществу.

Серьёзные препятствия в достижении высокой производительности труда создавали случаи некомпетент-

ного управления и бесхозяйственности. Так, стахановцы кузнечного цеха Красмаша жаловались на то, что рабочие места часто оставались неподготовленными: материалы не подавались вовремя, подсобных рабочих отвлекали на посторонние работы, а сами стахановцы вынуждены были тратить часы своего рабочего времени на перенос угля и металла, что снижало их выработку [22, с. 4].

Одной из острейших проблем являлось небрежное отношение к оборудованию. В ремонтно-механическом цехе зафиксированы случаи сознательной порчи токарных станков рабочими, пытавшимися затем скрыть свои ошибки, что приводило к длительным простоям производства [23, с. 4]. Подобные инциденты свидетельствуют о низком уровне квалификации части рабочих и о недостаточном контроле со стороны инженерно-технического персонала.

Материально-техническое обеспечение рабочих завода также было в неудовлетворительном состоянии. Электросварщики жаловались на систематические простои из-за отсутствия кабелей и угольных щёток [24, с. 4], маляры были вынуждены работать некачественными материалами при минимальном обеспечении инструментами [25, с. 4]. Такая ситуация не только тормозила выполнение производственных планов, но и резко снижала качество производимой продукции.

Не менее тревожной была ситуация с качеством производственной продукции. Согласно объяснительной записке к годовому отчёту ГАРЗОа № 1 за 1935 г., планом по браку предусматривались потери в размере 194 499 руб., однако фактически они составили 283 103 руб. Это означало, что процент брака по отношению к общей сумме производственной заработной платы (2 606 177 руб.) составил 10,8 %, превысив плановый показатель в 6,85 % [5, л. 7].

Причины брака в 1934 и 1935 гг. демонстрируют интересную динамику (табл. 1).

Таблица 1. Брак продукции (по причинам) [5, л. 7].

Показатели	По вине материала	Иностраный чертеж	По вине станка	Рабочие	Администрация
1934 г. (в % к итогу)	56,6	5,8	7,3	16	14,3
1935 г. (в % к итогу)	58,5	3,5	2,5	15,7	19,8

Как видно из табл. 1, в 1935 г. резко выросла доля брака по вине администрации – с 14,3 % до 19,8 %, что подтверждает общий уровень управленческой халатности. Одновременно сократились доли брака по техническим причинам: по вине станков (с 7,3 до 2,5 %) и чертежей (с 5,8 до 3,5 %), что может говорить о частичном улучшении технической документации и технического состояния оборудования. Однако всё же ключевые проблемы остались на уровне человеческого фактора – низкой дисциплины и ответственности персонала, особенно начальства.

При этом борьба с браком в 1935 г. активизировалась, что подтверждается ростом суммы удержаний с виновных – 8305 руб. против 5238 руб. в 1934 г. Однако даже эти меры не смогли устранить системные нарушения, отражённые в статистике.

Административная халатность проявлялась не только в производственных, но и в бытовых вопросах. Так, в литейных цехах отсутствовали умывальники и души [26, с. 4].

Отдельной проблемой являлось незаконное распределение спецодежды и материалов. Нередки были случаи, когда начальники цехов передавали спецодежду лицам, которым она по закону не полагалась, или расходовали государственные средства на личные нужды [27, с. 4].

Кроме того, отсутствие строгого контроля за качеством сырья и технологическими процессами приводило к высокому проценту брака продукции, особенно в литейных цехах [28, с. 1]. Так, большинство публикаций с жалобами отмечают, что значительная часть проблем происходила по вине непосредственных руководителей, которые игнорировали предложения рабочих по улучшению производства, не занимались обучением

кадров и не несли ответственности за допущенные ошибки.

На этом фоне особенно значимым становится вопрос материального вознаграждения труда. Одной из важнейших составляющих экономической повседневной жизни рабочих Красмаша в 1930-е гг. являлось соотношение их доходов и расходов, которое существенно определяло уровень их материального благосостояния.

В официальной пропаганде отмечалось неуклонное увеличение доходов рабочих. Так, в газете «Сталинец»

отмечается, что с 1924–1925 по 1936 г. средняя годовая заработная плата рабочего в СССР выросла в пять с половиной раз, а общий фонд заработной платы – в 16–17 раз [29, с. 4]. К 1936 г. количество рабочих и служащих достигло 25,7 млн человек, что свидетельствовало об исчезновении безработицы, о чём также активно сообщалось в газетах.

Дополнительные сведения, представленные в отчёте о деятельности Красмаша за 1935 г., позволяют глубже понять реальную динамику доходов (табл. 2).

Таблица 2. Средняя зарплата в месяц [5, л. 9].

	По отчёту за 1934 г.	За 1935 г.		% к 1934 г.	% к плану 1935 г.
		По плану	По отчёту		
Рабочие	143 руб. 20 коп.	186 руб. 20 коп.	182	127,13	97,80
ИТР	339 руб. 42 коп.	405 руб. 10 коп.	402	118,44	99,22
Служащие	172 руб. 65 коп.	199 руб. 80 коп.	203	117,57	101,65

Согласно разделу о заработной плате, средняя зарплата по рабочим в 1935 г. составила 182 руб. в месяц, что на 2,2 % ниже планового показателя, в то время как служащие, напротив, превысили план на 1,65 %. Основными причинами невыполнения плана по рабочим названы неполное использование рабочего времени, рост потерь на простои (1,05 % вместо плановых 0,5 %) и менее высокая квалификация персонала [5, л. 9].

Таким образом, несмотря на общий рост зарплат, анализ показывает неравномерность этого роста среди различных категорий работников, а также проблемы в реализации планов по фонду оплаты труда для основного производственного персонала – рабочих. Это отражает разрыв между пропагандируемым ростом благосостояния и реальными экономическими условиями на предприятии.

При этом даже те средства, которые рабочие фактически получали в виде заработной платы, далеко не полностью оставались в их распоряжении. Важным способом финансового участия рабочих в экономике и поддержке в проведении индустриализации государства стали массовые государственные займы, активно распространившиеся в годы второй и третьей пятилеток. Эти займы фактически перераспределяли часть доходов рабочих в пользу нужд форсированной индустриализации и строительства важных строек.

К примеру, в 1936 г. на заводе Красмаша в рамках подписки на заём стахановского года 4445 рабочих подписались на сумму 653 535 руб., что составляло 97,1 % от их трёхнедельного заработка [30, с. 3]. В некоторых коллективах подписка превышала 100 % трёхнедельного дохода. Пропагандисты активно проводили агитацию, убеждая рабочих в том, что заём способствует строительству новых фабрик и заводов, а значит – ускоряет индустриализацию страны.

Аналогичная активность отмечалась и в последующие годы. Например, в 1938 г. при размещении займа третьей пятилетки подписка в отдельных цехах Красмаша охватывала от 80 % до 97 % рабочего состава, а сумма подписки составляла от 43 % до 76 % месячного фонда заработной платы [31, с. 1]. Отдельные работники подписывались на суммы, превышающие их

месячный заработок: машинистка Брагина подписалась на сумму, составляющую 116 % её месячной зарплаты, старший нормировщик Баранов – на 108 % [32, с. 2].

Оценивая в целом политику Советского Союза в области оплаты труда рабочих, нельзя не признать, что происходило ущемление их жизненных интересов. Государство проводило форсированную индустриализацию в значительной степени за счёт прямого и косвенного ограничения потребления рабочих, привлекая как средства государственного бюджета, так и непосредственно изымая большую часть получаемых рабочими доходов.

Однако следует выделить двойственную политику советского государства в области оплаты труда. В годы второй пятилетки по всей стране развернулось «стахановское движение», в которое вовлекались сотни рабочих на всех предприятиях СССР. Для высокооплачиваемого слоя ударников и стахановцев создавались неплохие на общем фоне условия жизни. Затем именно уровень жизни данного привилегированного слоя рабочих предстал в пропагандистских кампаниях и прессе как доказательство неуклонно растущего благосостояния рабочих, преимуществ социалистического строя [3, с. 62].

В отличие от демонстрационного благополучия стахановцев, повседневные условия большинства рабочих включали ограниченный доступ даже к базовым услугам, включая питание. Одним из направлений сокращения труда и времени на приготовление пищи стала организация общественного питания. В Сибири к началу первой пятилетки она находилась в зачаточном состоянии [4, с. 52]. За годы второй пятилетки денежный оборот сети общественного питания в Красноярском крае увеличился в 5,5 раз [2, с. 56].

Питание рабочих в 1930-е гг. являлось одной из ключевых составляющих материально-бытового обеспечения, от которой напрямую зависит не только их состояние здоровья, но и производительность труда.

Несмотря на декларируемую заботу государства о трудящихся, фактическое положение дел в столовых и продовольственном снабжении Красмаша оставляло желать лучшего. Газета «Сталинец» в многочисленных публикациях фиксировала острые проблемы: невысо-

кое качество питания, антисанитарию, коррупционные практики при распределении продуктов, дефицит посуды сервировки.

Особенно показательной является ситуация со специальным питанием для электросварщиков, которым полагалось молоко в связи с вредностью условий труда. Вместо положенных 0,6 л в день рабочим выдавались талоны на 0,5 л, а в реальности лишь часть от предусмотренного количества. Оставшееся молоко в объёме 100 л забиралось домой мастером Угрюмовым, о чём знало начальство, но не вмешивалось [33, с. 4]. Это свидетельствует о коррупции на уровне цехов и попустительстве со стороны руководства.

Питание в заводских столовых вызывало массовые недовольства. В столовой сельхозкомбината, где питались рабочие, крошка готовилась из гниющего лука с корнями, щи подавались с червями, а цены при этом оставались высокими – стоимостью в 60 и 80 коп. [34, с. 4]. Рабочие же были вынуждены питаться в этих столовых, поскольку ввиду задержек зарплаты брали пищу «в долг», под расписку. Такая практика привязывала их к конкретным местам питания, лишая тем самым свободы выбора и ухудшая общее качество жизни.

Реализация питания рабочих страдала даже из-за бытовой неустроенности. Столовые хронически не обеспечивались достаточным числом ложек, вилок и ножей, из-за чего рабочие ели буквально руками [35, с. 4]. Официантки работали в грязных халатах, персонал часто менялся, блюда подавались с опозданием, а сама еда – пресной, некачественной, а также дорогой: суп с вермишелью стоил 89 коп. а каша перловая – 82 коп. [36, с. 4; 37, с. 4]. Это свидетельствует о низкой культуре общественного питания и отсутствии системного контроля за его качеством.

Еще одной проблемой было диетическое питание и организация работы молочной кухни и детской консультации. Диетические обеды при заводууправлении отличались небрежностью: кормят тухлыми яйцами, хлеб очень часто бывает чёрный [38, с. 4]. Работа молочной кухни была организована неудобно для работающих матерей: выдача молока происходила в часы, несовместимые с рабочим графиком [39, с. 4]. Всё это указывает на отсутствие продуманной социальной инфраструктуры, которая так необходима для поддержки женщин-работниц и их детей.

Даже на уровне базового хлебного обеспечения ситуация была далека от нормативной. Хлеб выпекался низкого качества, в условиях антисанитарии, а в некоторых случаях рабочие находили в нём запечённых насекомых [40, с. 4].

Таким образом, состояние общественного питания на Красмаше в 1930-е гг. можно охарактеризовать как один из наиболее острых факторов экономической повседневной жизни. Плохое качество еды, недостаточность материальной базы столовых, случаи коррупции, халатность администрации и отсутствие санитарного контроля – всё это в комплексе снижало уровень жизни рабочих, способствовало распространению болезней и подрывало эффективность труда.

Состояние здравоохранения и медицинского обслуживания рабочих города Красноярска также было острой проблемой.

Судя по публикациям 1936 г., в хирургических отделениях больницы Стройкрасмаша остро ощущался дефицит материальной обеспеченности: отсутствовали халаты и туфли для больных, что лишало их даже возможности выхода на прогулки, особенно в зимний период. Обращения врача А.М. Эдкиной по данной проблеме к руководству не дали никаких положительных результатов, что говорит о системной бесхозяйственности и равнодушии к нуждам пациентов. Кроме того, в отделении не хватало даже элементарной посуды – вилок, ножей, тарелок, что ещё больше ухудшало санитарные и бытовые условия пребывания [41, с. 4].

Медицинское обслуживание рабочих было сопряжено с проблемами по оплате больничных бюллетеней. В жалобе 1937 г. рабочая Кротова из ЖКУ описывает ситуацию, когда, несмотря на рекомендации врача проходить лечение, её больничный лист не был оплачен. Женщина пролежала два дня в больнице и посещала поликлинику на протяжении 11 дней, но никакой компенсации за период болезни не получила [42, с. 4]. Это свидетельствует о бездеятельности кадровых структур, недостаточной слаженности с медицинской сферой, а также указывает на слабый контроль за соблюдением социальных гарантий трудящихся.

Острой социальной проблемой была организация медицинской помощи для детей и матерей, женщин-работниц. В письме от 1938 г. отмечалось, что детская консультация работает только с 8 до 12 ч дня, то есть в часы, когда большинство матерей находились на своей рабочей смене. Молочная кухня, в свою очередь, выдавала продукты с 14 до 16 ч, что также было несовместимо с рабочим графиком. Авторы жалоб прямо требовали перестройки графика работы социальных учреждений, включая вечерний приём и утреннюю раздачу продуктов, чтобы обеспечить возможность совмещения работы с заботой о детях [39, с. 4].

Одним из самых тревожных свидетельств стало фактическое отсутствие действенного механизма вызова скорой помощи. В 1939 г. была опубликована жалоба Гольникова, который безуспешно пытался вызвать медицинскую помощь для работницы Юдиной, у которой поднялась температура до 40 °С. Однако дежурная медсестра больницы Бумстроя равнодушно ответила, что у них нет скорой, а телефонистка завода сообщила, что на нужном участке не работает телефон. Фактически рабочие оказывались в критической ситуации, не имея доступа ни к экстренной помощи, ни к рабочим коммуникациям. Данный эпизод демонстрирует критическую недееспособность инфраструктуры: отсутствие телефонной связи, нежелание медперсонала взять на себя ответственность, полное отсутствие координации между службами [43, с. 4].

Таким образом, система здравоохранения для работников завода в 1930-е гг. была крайне уязвимой. Острая нехватка санитарных ресурсов, бытовая неустроенность в больницах, бюрократические препятствия в оплате больничных, недоступность детских медицинских услуг и неспособность оперативно организовать медицинскую помощь – всё это составляло повседневность, в которой был вынужден трудиться рабочий.

Подводя итог, экономическая повседневная жизнь рабочих Красноярского машиностроительного завода в 1930-е гг., на фоне заявленной государством политики индустриализации и социалистической модернизации, представляла собой сложный и противоречивый феномен.

Рабочие Красмаша сталкивались с острым жилищным кризисом, антисанитарией, плохими условиями труда и быта, некачественным питанием, бюрократизмом и равнодушием со стороны местной администра-

ции. Хроническое недофинансирование социальной инфраструктуры, низкая трудовая дисциплина, произвол в распределении материальных благ и слабость системы медицинского обеспечения усугубляли и без того непростое положение заводских рабочих.

Так, всё это в комплексе препятствовало нормальному функционированию социалистического производства и тормозило формирование нового советского быта, провозглашённого партией как цель.

Литература

1. Московский А.М. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937) / А.М. Московский. – Новосибирск : Наука, 1982. – 425 с.
2. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 / В.И. Исаев. – Новосибирск : Наука, 1988. – 241 с.
3. Исаев В.И. Коммуна или коммуналка? Изменение быта рабочих Сибири в годы индустриализации: вторая половина 1920-х – 1930-е гг. / В.И. Исаев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; Том. гос. ун-т; Новосиб. юрид. ин-т. – Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1996. – 170 с.
4. Исаев В.И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) / В.И. Исаев // Исторический курьер. – 2020. – № 1. – С. 47–55.
5. ГАКК. Ф. Р-2115. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАКК. Ф. Р-2115. Оп. 1. Д. 46.
7. В Красноярске будет построен машиностроительный завод-гигант // Красноярский рабочий, 1932. № 101 (8 мая). С. 2.
8. За годы второй пятилетки на пустом месте вырос завод // Сталинец (Красмаш), 1937. № 4. С. 2.
9. Квартиры без света // Сталинец (Красмаш), 1936. № 33. С. 4.
10. ЖКУ не обращает внимания // Сталинец (Красмаш), 1937. № 5. С. 2.
11. В домах Красмаша проживают посторонние // Сталинец (Красмаш), 1937. № 69. С. 4.
12. Короткие сигналы // Сталинец (Красмаш), 1938. № 3. С. 4.
13. Беспорядок в общежитии // Сталинец (Красмаш), 1938. № 7. С. 4.
14. Плохо ремонтируют квартиры // Сталинец (Красмаш), 1938. № 44. С. 3.
15. Комендант не следит за порядком в бараке // Сталинец (Красмаш), 1938. № 45. С. 4.
16. Неразбериха // Сталинец (Красмаш), 1938. № 48. С. 4.
17. После ремонта еще хуже // Сталинец (Красмаш), 1938. № 53. С. 4.
18. Квартирные дела требуют вмешательства дирекции // Сталинец (Красмаш), 1939. № 90. С. 4.
19. Бюрократы из жилищного отдела // Сталинец (Красмаш), 1939. № 90. С. 4.
20. Так мы живём в «гостинице» // Сталинец (Красмаш), 1939. № 103. С. 4.
21. Незаконно расходуются спецобувь // Сталинец (Красмаш), 1939. № 104. С. 4.
22. Своевременно готовить рабочее место // Сталинец (Красмаш), 1936. № 29. С. 4.
23. Дважды портит станок // Сталинец (Красмаш), 1936. № 29. С. 4.
24. Нужны угольные щётки // Сталинец (Красмаш), 1938. № 8. С. 4.
25. Не обеспечивают инструментом и материалами // Сталинец (Красмаш), 1939. № 80. С. 4.
26. В литейном нужен душ // Сталинец (Красмаш), 1937. № 5. С. 4.
27. Аккуратно снабжать рабочих спецодеждой // Сталинец (Красмаш), 1937. № 62. С. 4.
28. Покончить с браком продукции // Сталинец (Красмаш), 1939. № 94. С. 1.
29. У нас в СССР нет безработицы // Сталинец (Красмаш), 1937. № 4. С. 4.
30. Заём стахановского года // Сталинец (Красмаш), 1936. № 33. С. 3.
31. Сводка о ходе подписки на заём по цехам завода на 9 июля включительно // Сталинец (Красмаш), 1938. № 52. С. 1.
32. Подписываются дополнительно // Сталинец (Красмаш), 1938. № 53. С. 2.
33. Авань, сойдёт! // Сталинец (Красмаш), 1936. № 38. С. 4.
34. Щи, окрошка ... требуют внимания // Сталинец (Красмаш), 1936. № 38. С. 4.
35. Письма трудящихся // Сталинец (Красмаш), 1938. № 7. С. 4.
36. Золотопродснаб забывает о столовых // Сталинец (Красмаш), 1937. № 9. С. 4.
37. Плохо работает столовая // Сталинец (Красмаш), 1939. № 70. С. 4.
38. Наладить диетпитание // Сталинец (Красмаш), 1937. № 69. С. 4.
39. Перестройте работу // Сталинец (Красмаш), 1938. № 7. С. 4.
40. Плохая работа // Сталинец (Красмаш), 1938. № 53. С. 4.
41. Не заботятся о больных // Сталинец (Красмаш), 1936. № 33. С. 4.
42. Мне не оплачивают бюллетень // Сталинец (Красмаш), 1937. № 9. С. 4.
43. Как вызвать скорую помощь // Сталинец (Красмаш), 1939. № 97. С. 4.

References

1. Moskovsky A.M. The Working Class of Siberia during the Construction of Socialism (1917–1937) / A.M. Moskovsky. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 425 p.
2. Isaev V.I. Everyday Life of Siberian Workers. 1926–1937 / V.I. Isaev. – Novosibirsk: Nauka Publishing House, 1988. – 241 p.
3. Isaev V.I. Commune or Communal Apartment? Changes in the Everyday Life of Siberian Workers during Industrialization: Second Half of the 1920s – 1930s / V.I. Isaev; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History; Tomsk State University; Novosibirsk Law Institute. – Novosibirsk: Nauka, Siberian Publishing Firm of RAS, 1996. – 170 p.
4. Isaev V.I. Modernization Processes in the Everyday Life of Siberian Workers during the First Five-Year Plans (1928–1937) / V.I. Isaev // Historical Courier. – 2020. – No. 1. – Pp. 47–55.
5. GAKK. F. R–2115. Op. 1. D. 30.
6. GAKK. F. R–2115. Op. 1. D. 46.

7. A giant machine-building plant will be built in Krasnoyarsk // Krasnoyarsk Worker, 1932. No. 101 (May 8). P. 2.
8. A plant grew from scratch during the second five-year plan // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 4. P. 2.
9. Apartments without electricity // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 33. P. 4.
10. The housing office pays no attention // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 5. P. 2.
11. Strangers live in Kras mash homes // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 69. P. 4.
12. Short signals // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 3. P. 4.
13. Disorder in the dormitory // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 7. P. 4.
14. Apartments poorly repaired // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 44. P. 3.
15. The manager does not maintain order in the barrack // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 45. P. 4.
16. Confusion // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 48. P. 4.
17. Worse after renovation // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 53. P. 4.
18. Housing issues require the management's intervention // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 90. P. 4.
19. Bureaucrats from the housing department // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 90. P. 4.
20. This is how we live in the "hotel" // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 103. P. 4.
21. Special footwear is used illegally // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 104. P. 4.
22. Prepare the workplace in time // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 29. P. 4.
23. Damages the machine twice // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 29. P. 4.
24. Coal brushes are needed // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 8. P. 4.
25. Workers lack tools and materials // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 80. P. 4.
26. The foundry needs a shower // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 5. P. 4.
27. Provide workers with workwear properly // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 62. P. 4.
28. Eliminate product defects // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 94. P. 1.
29. There is no unemployment in the USSR // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 4. P. 4.
30. Loan of the Stakhanov year // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 33. P. 3.
31. Summary of subscription progress by factory departments as of July 9 // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 52. P. 1.
32. Additional subscriptions // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 53. P. 2.
33. Maybe it'll pass! // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 38. P. 4.
34. Cabbage soup, okroshka... need attention // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 38. P. 4.
35. Letters from workers // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 7. P. 4.
36. Zolotoprosnab forgets about canteens // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 9. P. 4.
37. The canteen works poorly // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 70. P. 4.
38. Organize dietary meals // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 69. P. 4.
39. Restructure the work // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 7. P. 4.
40. Poor performance // Stalinec (Kras mash), 1938. No. 53. P. 4.
41. No care for the sick // Stalinec (Kras mash), 1936. No. 33. P. 4.
42. My sick leave is not paid // Stalinec (Kras mash), 1937. No. 9. P. 4.
43. How to call an ambulance // Stalinec (Kras mash), 1939. No. 97. P. 4.